

Моск. правоб. - 1996 - 3 авг. - с. 6.

«Будет буря: мы поспорим и помужествуем с ней»

ляля «иной мир», куда от своей эпохи уходил художник, «иное царство», куда он пригласал войти своего зрителя.

Автор словно свидетельствовал: а отдаленнейшие предки наши вот ведь какими были. И хоть сходства с потомками не наблюдалось, живописное зеркало - невольно, конечно же, невольно - льстило публике. Авансом, загада. Ведь художник, по совету классика, бил в минувшем настоящее, дабы тройной силой обернулся его призыв зрителю-собеседнику - восстать ото сна, осознать тогдашнее свое несвободное положение, воспринять духом, попытаться стать похожим на давних своих соотчичей. Вовсе никакие не знатоки искусства, посетители выставок без труда это послание прочитывали, не оставаясь равнодушными к тому, о чем говорил им художник. И росла молва о явившемся новом таланте, и текла людская река в залы, где выставлялись васьильевские работы.

Зрителя, принявшего увиденное на уровне шестого ли, седьмого чувства, подсознания, архетипа, не сдвинуть было в утвердившихся оценках уже никакими рациональными доводами о вкусе и мастерстве, исторической правде и отечественной художественной традиции. И вообще тяга к художнику была не эстетического свойства, поэтому и мы обращаемся к художественной стороне не станем. В основе невиданного успеха лежал целый комплекс причин. Зритель жаждал новой, отвечающей моменту мифологии - мы, мол, «были высоки, русоволосы», и творчество художника Васильева выставляло на всеоб-

щее обозрение ожидаемые мифологические фигуры. Заодно их можно было рассматривать как идеал, к которому безотчетно в ту пору зритель влекся, - героической, мужественной, сильной персоны, настоящего мужчины, воина, защитника, человека «длинной воли», пассионарной личности (по термину Л.Н.Гумилева).

И было уже не важно, что в герое этом чем дальше, тем больше бросались в глаза излишняя жесткость, неоправданная суровость, во взоре его не угадывалось ни искорки добродушия, ни намек на улыбку, словно человек этот вообще обходился без них - только сверкающая сталь, только льдистость. Нет, это не был какой-нибудь древний русич из ополчения, скорее профессиональный дружинник, для которого воинские походы составляли ремесло и призвание. Происходил он, может, из норманнов или варягов, которые про себя басом поют в опере: «Мы в море родились, умрем на море». А может, пришел из тех западных мест, где живут воинственные валькирии, чей наводящий ужас на смертного полет был зафиксирован музыкой Вагнера и в советской песенке, которую, возможно, слышал Васильев (он любил музыку, любил работать, слушая классику), прожелезную «птицу счастья» вращающего дня», что прилетела, «крыльями звеня». А то и вовсе на полотне узнавался воин родом из северных, нордических широт, где, по преданиям древности, располагалась мистическая страна гипербореев, и не ее ли холод так основательно подморозил васьильевского богатыря? Наверное, Герда (на одном из старых европейских наречий имя это означает землю) так и не успела выволить из империи Снежной королевы увлеченного сложением слова «Вечность» Кая, и горячая слеза повзрослевшей в испытаниях девушки, олицетворения Вечной женственности, так и не смогла согреть превратившееся в кусочек льда сердце замороженного мальчишки.

Да, уж так хотелось, живучи в безгеройном времени, где общественный барометр показывал полный штиль, если не в реальности иметь, то хотя бы видеть на картине мужественного героя. Надоело это «вечно-бабье» в душе России (хотя в те времена, когда создавал свои фантазии Васильев, вряд ли многие читали Бердяева), прискучила эта вечно-жалостливая, покорствующая, мягкотелая,

юродствующая интонация, несносны стали эти Аники-воины, «не с мужиками - с бабами им только воевать», эти Ильи Муромцы, десятилетиями сиднем сидевшие на печи. Невыносимо, в конце концов, это нескончаемое одомашнивание, приручение на российской почве храбрых заморских витязей и рыцарей, превращение доблестных персонажей героических западных и восточных эпосов - из Рус-тема и Руслана, из Pulicano и Zuscaffero в посконных Ерусланов Лазаревичей да Полкана с Лукперой. Все-все перетирают на Руси в труху, перемеливают в муку народным нескончаемым терпением. Но ведь есть еще стихии - воды и пламени, железа и небесного эфира. Есть соллярность - солнечность и полярность - бесконечность холода, абсолютный минус и не заходящее за горизонт светило. И есть не только первобытно-животная, бытовая жизнь, но и бытие духа, мистические, сакральные, священные глубины. Константин Васильев взял на себя миссию напомнить соотечественникам, что только эта вторая жизнь и есть истинная, верная, праведная.

И не стоит удивляться, что никакие резоны не достигнут слуха человека, который принял творчество художника, его идеи как близкие, «свои» раз и навсегда. Ну и что с того, что на этом полотне русский солдат, уходящий на войну с германцем, на Великую Отечественную, холодно и отчужденно взирает на то, что оставляет дома, из-под каски немецкого образца. Вам чудится в этом чуждый россиянину тевтонский дух, а поклонник Васильева так вовсе не считает, ему от каждой любимой картины веет Русью. Ну и что с того, что и древний вещун с хищной птицей на плече, и ждущая в зимнюю ночь у окна дева, и бильный Вольга да и другие добры молодцы - косяя сажень в плечах - несут в своем обличье явную печать дохристианского еще, языческого мироощущения, человекобожества? Не усматриваете вы, положим, милосердия, доброты в их обращении на зрителя взгляде, беспощадным, безжалостным, говорит, может он сделаться мгновенно? Поклонник Васильева в полном праве на этот ваш критический пассаж ответить вопросом, а давно ли вы, мол, сами ревностными христианами заделались? В виде же дополнительного аргумента добавить, что православная Россия существует одно тысячелетие, не-

давно юбилей отмечали, тем похвальнее стремление художника еще в те годы проникнуть в толщу веков в поисках Руси изначальной.

И потом так можно продолжить аргументацию сторонников Васильева: нельзя не заметить, что, сочувствуя язычеству, он был страстным протестантом, восстающим против духовного омертвения, окостенения, которое наблюдал вокруг себя. Бог умер! - мог бы повторить он вслед за Ницше, и не воскрешать, по его мнению, надо было слабого, жалостливого, женоподобного бога, а открыть мужественный мир воителей, дохристианских героев - не с крестом, но с мечом в руке. И потом: Васильев умер, когда его человеческое и художественное становление продолжалось, он не увидел иного времени, не успел произнести своего последнего слова. Но он будил мысль своих зрителей и уже за одно то заслуживает благодарности.

Ну вот, вы опять немецкий мистицизм, немецкий салон у художника усматриваете... Да, может, русскому менталитету с сильным началом женственности в нем, пассивному созерцательности, с его открытостью всему миру, как утверждали классики, всечеловечностью не повредило бы подзаныть мужских качеств на стороне? Не случайно философ серебряного века Е.Н.Трубецкой, разбирая русскую сказку, а вместе с ней русское творчество вообще, констатировал, что в них «ярко выражены женственные качества души, поэтическая мечтательность, нежность, восторженность, переходящая в экстаз: а рядом с этим гамма мужественных тонов звучит в ней сравнительно слабо... Сравните лучшие создания русской оперы с операми Вагнера: вас сразу поразит контраст между женственной русской мелодией и мужественными героическими мотивами Зигфрида или Валкирии... В сказке боги Валгалы ждут своего спасения... В русской волшебной опере мы видим как раз обратное. «Князь Игорь» и «Град Китеж» суть чудные поэтические элегии, вызванные чувством бессилия героя; а в лучшей из русских опер - в «Руслане» - героическое совершенно утопает в волшебном». Константин Васильев искал героя, который жил бы не по повелению Василисы Премудрой: не кручинься, родной, к утру все будет сделано, а ты богу молись да спать ложись, а действовал сам, совершая подвиги. Художник вы-

вел героя действия на свои полотна, тем и свое собственное дело сделал, совершил в известной мере и свой подвиг. Дело же зрителя было признать или отвергнуть такого героя и его автора.

Люди постарше видели и это признание, и отвержение. Да и в данной статье сознательно представлены в борении противоположные точки зрения.

Вот и о внешней «русскости» или нерусском обличье персонажей васьильевского эпоса стоит заметить следующее. Попробуйте сравнить лица советских людей 30-х годов, какими они запечатлены отечественной кинохроникой того времени и какими их показывают российские художественные фильмы последнего десятилетия, и разве не станет очевидным разительное несовпадение типа, а всего-то немногим более полувека прошло. Так что ж упрекать художника, что его образы-фантазии отличны от распространенных представлений об облике пращуров, ведь своих изображений те нам не оставили, да и в конце концов художник не обязан подобно скульптору-антропологу восстанавливать утраченные черты русича X века по раскопанному черепу. Его инструмент иной - интуиция, художественное прозрение.

Но как бы там ни было, вышшим арбитром в художественных и идейных спорах оказался рынок, он поставил точку во многих нескончаемых диспутах. Вот захоти сейчас какой-нибудь банк иметь Васильева постоянно в поле зрения - выпускают роскошный настенный календарь, где воспроектирует аж двенадцать его картин (реальный случай). Захоти финансовое учреждение составить свое собрание картин художника - и это возможно, были бы денюжки. Выставка, альбом, проспект, каталог могут воплотиться в реальности, яви свою щедрость меценат со спонсором. Без этого творцам сегодня приходится несладко. Ушедшим же из жизни, особенно если их произведения не стали достоянием крупных галерей, хорошо бы государственных, или не составили коллекцию музея именно этого художника, вообще грозит опасность быть изъятых из культурного обихода, а там и забвение. А коли так, то через пару десятилетий имя Константина Васильева, вокруг которого бушевали такие страсти, войдет в легенду окончательно.

Татьяна СЕРГЕЕВА.